

ФОРУМ: ЛЮДИ И ДРУГИЕ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА

Варвара Юрьевна Бахолдина

Московский государственный университет
1, стр. 12 Ленинские горы, Москва, Россия
vbaholdina@mail.ru

Алекс Блانشетт

Университет Тафтса
110 Брейкер Холл, 8 Аппер Кампус Роуд, Медфорд, США
alex.blanchette@tufts.edu

Елена Александровна Богданова

Независимый исследователь
Хельсинки, Финляндия
bogdanova.nova@gmail.com

Анна Алексеевна Варфоломеева

Независимый исследователь
Оулу, Финляндия
an.varfolomeeva@gmail.com

Максим Викторович Винарский

Санкт-Петербургский государственный университет
7/9 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН
5/2 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
radix.vinarski@gmail.com

Григорий Дмитриевич Винокуров

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
123А наб. канала Грибоедова, Санкт-Петербург, Россия
grigorijvinokurov@gmail.com

Александр Игоревич Волковицкий

Арктический научно-исследовательский стационар
Института экологии растений и животных УрО РАН
21 ул. Зеленая горка, Лабытнанги, Россия
terekhina.yamal@gmail.com

Оксана Николаевна Запорожец

Центр городских исследований им. Г. Зиммеля, Университет им. Гумбольдтов
6 Унтер ден Линден, Берлин, Германия
oksana.zaporozhetc@hu-berlin.de

Александра Леонидовна Захарова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1А Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
azakharova@eu.spb.ru

Степан Сергеевич Калинин

Международный славянский институт
9 ул. Годовикова, Москва, Россия
rage_of_gods@inbox.ru

Фредерик Кек

Лаборатория социальной антропологии, Национальный центр научных исследований /
Коллеж де Франс / Высшая школа социальных исследований
52 рю дю Кардинал Лемуан, Париж, Франция
frederic.keck@cnsr.fr

Ольга Владимировна Коровкина

Независимый исследователь
Москва, Россия
kazia-kordecka@mail.ru

В области экологических гуманитарных наук развивается сотрудничество исследователей с музейными работниками и совместное создание «мультивидовых» экскурсий, основанных на сенсорном восприятии экспозиции.

С моей точки зрения, интересной областью для применения новых методов представляется взаимодействие между людьми, другими живыми существами и технологиями. В своих проектах я затрагиваю эту тему, фокусируясь, например, на материальности ветрогенераторов и на том, как они воспринимаются на разных уровнях — через зрение, слух, осязание. Я также рассматриваю, как технологии добычи ресурсов становятся частью «ландшафта-домохозяйства» (*household*), который делят люди, другие живые существа и духи местности [Oehler 2019]. Однако тема технологий все чаще обсуждается и в контексте применения искусственного интеллекта в сфере межвидовых взаимодействий и возможности «дать голос» другим живым существам, используя новые технологии. Кроме того, рамки между живым организмом и технологическими средствами становятся все более размытыми. Создание и использование животных-роботов (к примеру, собаки-компаньона Tombot) ставит вопросы о том, как начнут переплетаться отношения между человеком, не-человеческими живыми существами и технологиями в будущем.

Библиография

Oehler A. Introduction // Oehler A., Varfolomeeva A. (eds.). *Multispecies Households in the Saian Mountains: Ecology at the Russia-Mongolia Border*. Cheltenham: Lexington Books, 2019. P. XI-XXIV.

МАКСИМ ВИНАРСКИЙ

1

По своей научной специализации (малакология) я имею дело с группой животных, традиционно и не очень «политкорректно» именуемых «низшими». Это оценочное понятие, хотя и откровенно антропоцентричное, до некоторой степени отражает объективную реальность наличия в животном мире многих уровней организации (или град), которые можно выстроить по ступеням конструируемой нами «лестницы совершенства». Весьма искусственная с эволюционной точки зрения, эта градация имеет право на существование в качестве эвристической модели, позволяющей иерархически

Максим Викторович Винарский

Санкт-Петербургский
государственный университет /
Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия
radix.vinarski@gmail.com

выстраивать структуру природных сообществ и решать некоторые прикладные вопросы (например, связанные с проблемами биоэтики). В плане отношений людей и представителей других видов «высшее» и «низшее» отражают степень непосредственности взаимодействия, возможность или невозможность доместикации, сотрудничества, симбиоза и т.п. Чем «ниже» стоит конкретный вид по отношению к человеку, тем большее число посредствующих звеньев их разделяет и тем большее усилие необходимо для восприятия их как составных элементов единой взаимодействующей системы. Многие представители «низших» животных попросту выпадают из поля зрения обыденности, не попадают в этнобиологические классификации (за исключением очень небольшого числа особо важных для человека по своим качествам — съедобные, ядовитые, паразитические и т.п.), что выражается в отсутствии у них «народных» названий. Человек, сосуществуя вместе с ними в одной экосистеме (даже урбо- или агроэкосистеме), может не иметь ни малейшего понятия об их присутствии в своем ближайшем окружении. Именно поэтому в конце XIX в. общеевропейскую известность приобрели исследования энтомолога Фабра, «открывшего» образованному читателю невидимый мир насекомых, сложный, драматичный, но при этом почти не представленный в поле сознания «рядового» человека. Конечно, это в меньшей степени относилось к профессиональным натуралистам, для которых могла представлять большой интерес даже совершенно невзрачная и безымянная тварь. Иными словами, человек традиционно был связан с миром «низших» животных через большое число передаточных звеньев, практически исключавших прямой контакт и взаимодействие. Тем не менее с точки зрения биолога и человек, и все остальные представители окружающей его среды формируют единую экосистему, ни один из компонентов которой не является неинтересным или незначимым. В идеале человека нельзя изучать в изоляции не только от видов, имеющих для него непосредственный интерес (промысловые виды, источники биоресурсов, потенциальные хищники или вредители), но и от всей флоры и фауны вместе взятой. Но, разумеется, такое исследование требует огромных усилий и во многих случаях вряд ли реализуемо на практике. Однако в последние десятилетия интерес к этим ранее пренебрегаемым «низшим» существам растет, что во многом связано с феноменом глобализации и порожденной им проблемой «гомогенизации биоты». Речь идет о том, что человек и «низшие» животные вступают в отношения, которые можно обозначить как *форетические*. Люди, чаще всего бессознательно и ненамеренно, выступают как агенты расселения для растений и беспозвоночных, перемещая их самих или их расселительные стадии (яйца, личинки, споры) на дальние расстояния и порой

на новые континенты. Тем самым видовой состав фауны и флоры на разных материках имеет тенденцию выравниваться: эндемики вымирают, а доля общих видов в составе биоты растёт.

В ряде случаев такое расселение приводит к возникновению ситуации «биологической инвазии», когда чужеродный вид находит благоприятные для себя условия на новом месте обитания и не только успешно вытесняет из экосистемы аборигенные виды, но и становится значимым компонентом человеческой среды обитания. Некоторые из случаев такого рода известны уже с середины XIX в. и давно стали классическими (элодея, колорадский жук), но в наше время поток нежелательных видов-вселенцев многократно возрос. Во многих странах осуществляются программы мониторинга подобных чужеродных видов, в которые активно вовлечены так называемые *citizen scientists*, которых специально инструктируют на предмет раннего обнаружения вселенцев, отслеживания их расселения, оценок численности и т.п. Тем самым проблема биологических инвазий утрачивает чисто академический интерес и приобретает новое социальное измерение, интересное, на мой взгляд, и для антрополога. Гомогенизация биоты, происходящая на глазах рядового человека, по-видимому, может несколько изменить его понимание протекающих в биосфере процессов и, возможно, заставить переосмыслить свой взгляд на отношения между собой и «природой».

2

С позиции биолога любое антропологическое исследование по определению междисциплинарно, поскольку человек не существует изолированно от экосистемы, в которой он обитает, и сама его человеческая сущность несводима исключительно к «гуманитарному» измерению. Человек реален только как часть природного сообщества, без взаимодействия с которым, без обмена веществом и энергией не может существовать как организм. «Чистая» антропология возможна только вследствие методологической ограниченности и недостатка ресурсов. Без адекватного включения в анализ биотической составляющей антропологические штудии обречены на неполноту и смещение акцентов. Другое дело, что бывают животные и животные. Я хочу сказать, что значительная часть реального биоразнообразия исключена из актуального человеческого опыта и существует словно параллельно ему. Поэтому одной из задач мультивидовой этнографии может быть установление характера взаимосвязей человеческой популяции с видами, сосуществующими с ней в одной экосистеме, определение иерархии и специфики взаимоотношений с разными видами (и таксономическими группами другого ранга), понимание того, как и почему люди «конструируют» свое восприятие живой природы. В этом отношении антрополог без биологической подготовки или про-

фессиональной консультации может оказаться беспомощен. Каким бы специфическим представителем фауны ни был *Homo sapiens*, его надо рассматривать не как «венец творения», а как еще один компонент экосистемы, пусть и обладающий некоторой степенью могущества, но все же подчиняющийся многим природным закономерностям. Идеальное мультивидовое исследование видится мне как выстроенное не вертикально («царь природы» и все прочие, уныло копошащиеся на ступеньках ниже его), а горизонтально. В последнем случае акцент переносится с компонента экосистемы (т.е. человека) на взаимосвязи в ее структуре, где нет выделенных элементов, главных и второстепенных, а все возможное «неравенство» определяется лишь объективным положением конкретного вида в пищевой пирамиде (скажем, человек по своей специфике хищник высшего порядка, и это его иерархическое положение отменить невозможно).

3

«Дать голос» существам, лишенным артикулированной речи и сознания, может исключительно сам человек, говоря от их имени. Других вариантов на сегодняшний день я не вижу. *Non-humans* не являются равноправными участниками диалога, и даже в случае гоминид, которых обучали языку глухонемых, очевидно, что одна из сторон является ведомой, а другая — ведущей. Наука, в конце концов, чисто человеческое изобретение, и правила игры здесь устанавливают *humans*. Человек «конструирует» свое природное окружение и делает это страстно и избирательно, практически игнорируя огромную часть биологического разнообразия, привычно именуемую «низшей» или даже «бесполезной». Поэтому может быть интересен и такой вопрос: кого и почему люди исключают из своего рассмотрения, каковы критерии и методы отбора? Полагаю, что те виды, которые не попадают в этноклассификации, не представлены в фольклоре и верованиях, в практиках современного общества и могут иметь значение только для профессиональных биологов, которым интересны все живые организмы, а не только непосредственно представленные в человеческом опыте. Видимо, дальнейшее изучение разного рода фолк-биологических знаний, включая различные системы фолк-таксономии, и есть самый эффективный путь в данном направлении.

5

Полагаю, это вполне возможно по отношению к упомянутым мною выше «низшим» животным, которые в глазах политического или экологического активизма до сих пор не выглядят харизматичными и потому не воспринимаются им как объект пристрастного внимания. Но чем выше мы поднимаемся вверх по «лестнице совершенства» (термин намеренно взят мною в кавычки, да и проблема проведения границ между «высшим»

и «низшим» весьма нетривиальна, но останавливаться на ней здесь не могу), тем сложнее отделять одно от другого. Полагаю, что, исследуя высшие уровни этой прогрессистской иерархии, сделать это и вовсе невозможно. Причина проста: в филогенетическом отношении четкой грани между человеком и «высшими» животными не существует, и даже вымирание практически всех антропоидов, создававших в геологическом прошлом полный континуум между *Ното* и не-*Ното*, уже не спасает. Хотя, вполне возможно, в некоторых узкоспециальных аспектах изучения *human-animal relations* даже исследования антропоидов могут быть свободны от проявлений всякого «активизма».

ГРИГОРИЙ ВИНОКУРОВ

1

Стоит сделать несколько важных оговорок. Как у антрополога (начинающего и в каком-то смысле самозванца в дисциплине) у меня есть два базовых интереса. Первый — это антропологическая теория в целом. Ее история, развитие, длящиеся в ней споры и дискуссии. Политики того, как производится и работает теория, оставаясь в тесной связке с контингентностью этнографического материала. Другой — отдельные области антропологии: экономическая антропология и антропология труда, в частности, а также антропология наук и технологий, близкая к STS. Я не являюсь экспертом в области межвидовой этнографии, никогда не занимался этой темой и признаю ограниченность своего взгляда и выносимых мною суждений. Мое взаимодействие с проблематикой межвидового ограничено чтением литературы, собственным антропологическим любопытством, наблюдательностью за происходящей вокруг более-чем-человеческой жизнью и небольшим полевым опытом наблюдения за реальностью, в которой вопрос о межвидовости возник странным образом за пределами «отношений людей и представителей других видов», в рамках тех отношений, которые я, следуя своей системе различений, назвал бы «внутривидовыми», но мои собеседники думали о них иначе, проблематизируя тем самым использование категории вида и неизбежно связанной с ней категории

Григорий Дмитриевич Винокуров
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург, Россия
grigorijvinokurov@gmail.com